

АЛЕКСАНДР
ВЕЛЬТМАН

ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ

Александр Фомич Вельтман

Эротика

Разносторонность интересов и дарований Александра Фомича Вельтмана, многогранность его деятельности поражала современников. Прозаик и поэт, историк и археолог, этнограф и языковед, директор Оружейной палаты, член-корреспондент Российской академии наук, он был добрым другом Пушкина, его произведения положительно оценивали Белинский и Чернышевский, о его творчестве с большой симпатией отзывались Достоевский и Толстой.

В настоящем сборнике представлены повести и рассказы бытового плана ("Аленушка", "Ольга"), романтического "бессарабского" цикла ("Урсул", "Радой", "Костештские скалы"), исторические, а также произведения критико-сатирической направленности ("Неистовый Роланд", "Приезжий из уезда"), перекликающиеся с произведениями Гоголя.

Содержание

#1	0005
Часть I	0008
Часть II	0034
Примечания	0061

Александр Вельтман

Эротика

Это было, кажется, в прошедшем году в августе месяце... точно.

Званные гости съехались в один дом праздновать *красный день* хозяйки.

Семейство было *средней руки*, жило не на большую ногу. Обед был вкусен и весел. Хозяин пил за здоровье гостей, гости за здоровье молодой хозяйки и поэта: так величали добрые приятели самого хозяина, который — не при нем будь сказано — умел слагать стихи, вроде «*на прыщик Делии*», и сочинять журнальные повести.

После обеда, по обычаю, дамы пошли в гостиную, мужчины уединились в кабинет жечь табак.

После-обеда, в обществе, в беседе приятельской, есть живой журнал. В это время выполняются экспромтом все статьи тяжелой и легкой литературы, критики и смеси.

В одном углу, с сигаркою в зубах, сидит тучная статья сельской промышленности и хозяйственной экономии, под заглавием: *о пользе свеклы и картофеля*. В другом углу, раскинувшись на диване, *философия* трактует о различии философии и филозофии; подле

филологическая статья доказывает, что слово *филология* составлено из *φίλος* — друг и *λογος* — слово; что французское слово *filou* — мошенник, обманщик — имеет корнем своим также слово *φίλος*, получившее превратный смысл с тех пор, как люди стали употреблять слово *друг* как лучшее оружие для обмана; и что от слова *λογω* — говорю — происходит русский глагол *лгу*, ибо *говорю* и *лгу* некоторым образом синонимичны.

Тощее *стихотворение*, затянувшись украинским вахштафом, ходит Эолом по комнате и ропщет про себя куплеты.

Историческая статья, заложив руки в боковые карманы, излагает свое мнение о хаосе времен и народов; *механика* — о различии стремления к центру и от центра; *мета-механика* — о законах духовных движений в природе; *геология* — о расширении толщи земной; *ботаника* — об общественной и частной жизни растений.

Но частные разговоры сливаются наконец в смесь. Внимание общее к слухам, новостям, остротам, городским сплетням... Только *критика* сидит надувшись, слушает и прислуши-

вається, смотрит и всматривается, все видит и ненавидит.

После-обеда происходит незаметно. Цель жизни исполняется: пища варится хорошо, душа не тоскует, не измеряет времени.

Так началось *после-обеда* и у поэта. Сперва поступила философическая статья: *что такое женщина?* потом механическая: *о стремлении к сердцу и от сердца*; потом астрономическая: *о светилах любви*; потом агрономическая: *о возделывании женской души и о причинах неурожая семейственного счастья*; потом начался критический разбор женщины во всех отношениях; потом смесь, рассказы, анекдоты...

— Я не умею рассказывать, — сказал хозяин, — но прочту вам быль о том, на что женщина может решиться из любви.

— Очень, очень рады! — вскричали некоторые из гостей, но большая часть нахмурилась при слове *чтение*. Поэт этого не заметил, вынул тетрадку из конторки, поставил перед собой стакан воды и начал читать следующее.

Часть I

Бригадир. — *В наше блаженное время.* —
Женихи. — *Улан.* — *Он знает приличия.*

I

Около 25 лет тому назад бригадир Хойхоров (предок его был вывезен с Кавказа) доживал свой век в поместье, высочайше дарованном ему за заслуги. Он был из числа тех людей, которые хвалят только свое прошедшее, любят старые привычки, как старое вино, не видят добра в будущем и думают, что все окружающее их теряет свою силу, свою красоту, портится, клонится к разрушению.

Воспоминание о прошедшем имеет какую-то особенную приятность, но у старожиллов нашего времени есть какая-то чудная страсть или, может быть, и пристрастие к временам Екатерины. Когда они заведут речь о своем *прошлом*, на щеках их выступает румянец, в очах заблещет молния.

«Теперь все коротко: и платье, и ум, и жизнь людей. Где теперь такие люди, какие бывали в наше время? — Румянцев, Потемкин, Орлов, Суворов, Шереметев... Истинные

вельможи славою, честью и богатством!

Бывало, Петр Борисович или Николай Петрович вздумают попить, созвать гостей в Останкино, в Кусково... Вся дворня во французских, шитых золотом кафтанах!.. От заставы Московской вплоть до дачи огородят собою дорогу по обе стороны сорок тысяч душ Московской губернии: мужички, купцы да крестьяне, тысячники да миллионщики, в синих бархатных да плисовых кафтанах, а молодницы и девицы в парче, увешаны жемчугом, накрыты золотой фатою!.. А поедет сам цугом, в раззолоченной карете, в золоченых шорах, впереди скороходы, сзади гайдуки в сажень!.. За ним вся знать московская. А в Кускове сто поваров обед готовят. А обед часов пять тянется; носят, носят, золотым блюдам счета нет!.. откушают — почетные садятся играть в *преферанс*, в *ламуш*, в *панфил*, в *тресет*, в *басет*, в *марьяж*, в *ломбер*... Дамы идут прогуливаться в сад, деревья от маковки до корня унизаны ананасами, апельсинами, персиками... На пруду раззолоченная шлюпка, роговая музыка гремит, как на страшном суде. Потом театр воздушный... что за акте-

ры!., а все доморощенные!., про кулисы и говорить нечего: машина на машине — сами двигаются!.. Потом откроется бал... пойдут *полонез, пергурдин, манимаску, менуэт*... А что за наряды! Боже великий!., одного золота да блесок, что на пол просыплется, нашему брату на целую жизнь на пропитанье достало бы — полотеры пудами на выжигу продают!..

Бывало, сама государыня дивится: ну, — говорит, — Николай Петрович, богат ты и тороват! угостил! где нам за тобой тягаться?»...

Таким образом и бригадир Хойхоров видал прохождение небесных и земных комет и не дивился звездам.

Пережив жену свою, он остался с единородной своею дочерью *Эротидой* (он любил мудреные греческие имена и при рождении дочери выбрал это имя из *Гипотипозиса*, или из *Полного месяцеслова*); ему понравилось имя Эротиды — любовь на лице являющая.

Он взялся сам воспитывать дочь свою. — Не поручу, — говаривал он еще жене своей, — не поручу ее ни *мадаме*, ни *мусье*.

— Помилуй, батюшка мой, — говаривала ему жена, — да ты только и знаешь, что свой

артикул! — Но с женою умерли противоречия, и бригадир, нарядив дитя в амазонское платьице, накупил ему для забавы деревянных солдатиков, ружье, барабан, коня на колесах...

«Эротида будет у меня хват девка!» — думал он. — Ну, Эротенька, марш, марш! — и Эротенька, перекинув через плечо перевязь барабана, взяв в руки ружье, маршировала пред отцом, — отец любовался.

Когда Эротиде минуло 12 лет и деревянный конек стал уже ей не по росту, бригадир выучил ее ездить верхом, брал с собою в отъездное поле. Изучение же наукам, т. е. чтению, письму и Закону Божию, поручил своему сельскому священнику отцу Лазарю, доброму старцу, любившему слушать бригадирские рассказы о воинских подвигах.

Вместе с бригадиром постарел и деревянный дом его, и все дворовые строения. Стены и кровли почернели, обросли мохом и муравою. Но кому не понятна любовь к *привычному месту!* кто не чувствовал какой-то неловкости, когда в его комнате старая мебель заменялась новою?

Все стены держались только подставами, а бригадир и не думал о перестройке дома.

— Вот уже! сколько могу припомнить, ваше превосходительство, — говаривал ему отец Лазарь, — домик-то ваш при мне стоит десятка четыре лет, а строился он до предместника моего... из опасенья бы изволили перестроить...

— И, братец, — отвечал обыкновенно бригадир, — простоит еще с меня; что мне в новых палатах? Теперь архитекторы, упаси Боже, построят дом, ни приюту, ни тепла, да еще того и гляди провалится, задавит. Вот, недалеко пример, у соседа... как бишь?.. Ну, да провал его возьми, и вспоминать не стоит!

— Касьян, Касьян... дай Бог память!..

— Какой Касьян, братец, я сроду ни одного Касьяна не знал, а с его отцом был закадычный друг. Сын мотыга, гордец, француз, построил себе дом в Москве, переехали жильцы. Первый снег — стропилы не выдержали, рухнулись, потолок провалился, всю, братец, семью было передавил...

— Слышал, слышал, ваше превосходительство... дом Григория Михайловича...

— Пора, отец Лазарь, надуматься. Да ты скоро забудешь, как свиных детей зовут...

— Виноват... ваше превосходительство.

— То-то, братец, ну, ступай, ступай, учи Эротиду...

— Хотел было я... изложить мою просьбицу... ваше... превосходительство...

— Что, верно, опять на посев хлеба? Нет, отец Лазарь, починать закрома для тебя не буду.

Таково было обхождение бригадира со всеми; немножко грубо, но зато простодушно. Слова *вы* от него никто не слыхивал; для приличия он не хотел отступать от грамматического правила. Но, грубо говоря, он был добр на деле. Священник был уверен, что на другой же день будет ему прислано с господского двора и жита, и проса, и ячменю, и овса. Соседи его любили и съезжались к нему раза два в год, в торжественные дни и *праздники в кругу*.

Только молодежь поотучил он от себя. Его первый вопрос был: «А тебе, братец, который годок?., пора, пора на службу! в двадцать лет стыдно соску сосать!., на службу, на службу, и не показывайся мне на глаза до капитанского

чина; ну, в капитанском чине можно и в отпуску побывать».

Таким образом, круг бригадира ограничивался живыми преданиями глубокой старины

Мужчины в пудренных париках, с сальными косами, с мешочком на конце вроде хлопущки, в шитых золотом бархатных или атласных кафтанах с пуговицами фарфоровыми, стальными, шитыми блестками, с медальонами, в плисовых сапогах...

Дамы постарше — в громадных атласных *калишах* на проволоке, с блондами вокруг лица, с бочками вместо *фижм*, в пышных *полонезах*, с прорезами сбоку, в которые продевались полы атласной юбки и висели, как *драпри* окон из двух разноцветных шелковых материй.

Дамы средних лет, за полвека, в чепцах *суворовские* или в прическе, обильной кудрями, сверх коей *шифоне* из индийского шелка соединялся с унизанным жемчугом черным *бордоном*, продетым сквозь прическу; в *мантильях* с длинными полами и *капишоном*; в башмаках белых, вышитых блестками и

стальными бусами, с каблуками с два вершка вышины, с носками, как нос стерляди.

Дамы же молодые, еще не прожившие половины столетия, красовались прической из волос, напудренных и взбитых вроде лебяжьего пуха; несколько разноцветных перьев расстилались по одной стороне головы; их одежда не отставала от моды, их платья были в три полотнища, талия под мышкой; белая шея прикрывалась прозрачным кисейным платком; дебелые руки обнажены до плеча, но в лайковых длинных перчатках; на ногах *марокские* башмачки красного цвета.

Все они ласкали 14-летнюю Эротиду, называли малюткой, обходились как с ребенком и только что не брали ее к себе на руки.

II

Таков был бригадир, вся родня и все соседи его; но дочь его, Эротиды, была чудная девушка. Несмотря на то что воспитание отцовское готовило ее в драгунскую службу, Бог весть где переняла она все женское, все милое, привлекательное. Несмотря на то что отец учил ее фрунтовому шагу, она шагала не в аршин; ножку ее нельзя было назвать ногой, потому

что и на 14 году, укладывая ее в башмачок, как в колыбельку, можно было припевать: «Баю-баюшки-баю, баю крошечку мою!» Глаза Эротиды были чернее всего на свете, а ресницы подобны тем, которые Фирдевси сравнил с копьем героя Кива в башне Пешена; ее волосы, распущенные локонами до плеч, были самого лучшего каштанового цвета, любимого всеми веками, исключая то время, когда была мода на рыжих да красных. Стан ее был величествен, перехват тонок, грудь пышна, шея бела, румянец пылок.

И вся она была ангел, в котором еще нет зародыша разрушения, который еще не отравлен горем жизни, не заражен злыми привычками окружающих. Это была дитя-дева, не прикованная еще к земле ни страхом, ни надеждами.

Не рассыпайте же перед ней, люди, семя ласкательства, не маните на корм эту птицу небесную!., не вынуждайте ее любить вас, не требуйте клятв на постоянство, не топите ее в своих желаниях!., дайте налюбоваться на диво Божие, дайте помолиться на нее! Когда пахнет тление, прикоснется и до нее холод-

ная рука времени, — тогда возьмите ее себе!

Настал Эротиде 15-й год. Друг бригадира, богатый сосед, холостяк, отставной секунд-майор, которого грудь была украшена золотым крестом Очаковским, который страдал подагрой лет за 30 до рождения Эротиды, сделал следующее предложение другу своему:

— Послушай, братец; ты знаешь, я жизнь провел аккуратно, без долгов, имею состояньице и, слава Богу, силы... Мы, братец, с тобою друзья давние, искренние... отчего бы и не породниться... благо есть случай... твоя Эротίδα... невеста, братец...

— И, братец, — отвечал ему бригадир, — у Эротиды есть уже один дряхлый отец, к чему ей навязывать на шею другого!..

Разобидели эти слова секунд-майора; перестал он ездить в дом к своему другу.

Таким образом Эротίδα избавилась от одного жениха.

Явился другой. Он вручил бригадиру письмо от своей тетушки, старого друга покойной бригадирши.

— Рад, рад знакомству, — сказал бригадир, прочитав письмо, в котором мельком упоми-

налось о будущности Эротиды и потом следовала длинная рекомендация вручителю письма.

— Рад, рад знакомству! — повторил бригадир, — а что, батюшка, где изволишь служить?

— Я служил в 1-м Мушкатерском полку капралом, но по домашним обстоятельствам вышел в отставку; а теперь-с, после родителей, полный хозяин имения и буду очень счастлив...

— Молоденек еще, молоденек, государь мой, служить бы да служить.

— Здоровье не позволяет-с.

— А, дело другое; точно, знаю по себе, служба требует сил и здоровья, точно так же, как и женитьба. Ну, что ж делать, лечиться, лечиться должно; а у нас в уезде прекраснейший лекарь...

— Но...

Да, да, поправишь здоровье да опять на службу; потому что, братец, что ж это за чин: капрал в отставке? Ну, в военной тягостно, куда-нибудь в статскую; бумаги переписывать не велик труд. Не по душе гостю были

слова бригадира; он отвернулся к окошку.

— Какое прекрасное местоположение!

— Не худо, очень не худо.

Кукушка высунулась из часовых дверей, прокуковала час за полдень.

Гость встал с места.

— Второй уже час, а мне еще до обеда нужно проехать пятнадцать верст.

— Прощайте, прощайте, батюшка, рад знакомству!

Таким образом Эротиды избавилась от второго жениха.

За третьим дело не стало. Приехала к бригадиру двоюродная сестра его — женщина, у которой повсюду есть делишки, везде заботы и хлопоты.

— Ну, братец, насилу притащилась к тебе! что за дорога!.. Берлин мой совсем расколыхался. Знаешь ли что? сядь-ка поближе... Эротиды у тебя хоть под венец... Видал ты у меня... знаешь Игнатья Ивановича?

— Как не знать палатской крысы, которую женил бы я на кошке.

— Как ты злословишь людей, не знавши их в глаза! Это ни на что не похоже! Я, сударь,

в доме моем бесчестных людей не принимаю!..

— Право?.. Ну, ну, не сердись, сестра. Я говорю по слухам, а пословица говорит: «не всякому слуху верь».

— То-то же, сударь... это честнейший человек!

— А что, он еще председателем?

— Председателем; да в какой любви и чести у генерал-губернатора! Сильная рука! далеко пойдет!

— Гм! Есть у меня дельцо... Помнишь тяжбу за чересполосную землю...

— Что ж, *неужли* выиграет у тебя эта гольдворянин?

— Да, почти; а землицы-то жаль.

— Эх, братец, да я познакомлю тебя с Игнатием Ивановичем покороче. Да он все для меня сделает; уж твоему ли делу чета дело Рытвиных.

— Ну?

— Выиграли.

— Не знаю дела Рытвиных, а я владею землею не по праву; документы все у противника; как ни бейся, а придется еще и припла-

тить *тыщаги* две...

— Пустяки! И земля и деньги пойдут в приданое Эротида. Недурно бы... а Эротиду пора выдавать замуж... А что, сестра, каков человек Игнатий Иванович?

— Партия хоть куда. Человек в ходу, не в летах, имеет состояньице.

— И честной души?

— Честнейший, благороднейший, в этом я тебе круглая порука.

— Помилуй, сестра, не сама ли ты поручилась, что он пособит мне ограбить бедного человека!

Старуха взбесилась, уехала.

Таким образом Эротида избавилась от третьего жениха.

III

Бригадир отстаивал дочь свою от нашествия женихов; сама же Эротида и не думала о женихах, потому что сперва должно иметь хотя теоретическое понятие о любви, а она была окружена со всех сторон прошедшим веком, который не любил говорить при девушках о том, чего им знать не надлежало.

Эротида очень веселы казались *муштры*

воинские и рассказы отцовские про походы и как в турецкую войну *меркетентерам* турки головы резали.

Она почти не скидала амазонского платья, которое состояло из *пьеро* мундирного покроя, палевого тафтяного жилета и пуховой шляпы, убранной лентами.

Сердце ее было свободно, душа чиста, ее небо ясно, поле жизни усеяно цветами, а в характере Эротиды было что-то неробкое, решительное.

Итак, Эротиды не ведала любви; но наступает время, в которое оболочка кокоса разрывается с громом.

Одному взводу уланского полка назначены квартиры в селе бригадира. Взводный командир поручик Г...ъ, прекрасный собою молодой человек, отчаянная голова, вступая в село, знал уже от *языков*, кто таков помещик, в каком он духе, какова дочь его, который ей год, как его зовут, как ее зовут и пр. Как знаток военного искусства, он основательно изучил правила, что военному человеку должно иметь во всем предвидение, пользоваться малейшим случаем, иметь хороший глазомер,

иметь решимость и что, вступая в страну, должно разведывать о образе мыслей жителей, о привычках... и т. п. На сером коне, который изогнул шею в кольцо, уставил хвост трубой, ехал он, подбоченясь, мимо окон бригадирского дома.

Все, что только было живо в доме, высыпало на двор, унизало собою окна; сам бригадир сел также у окна и любовался отважным, дебылым фрунтом улан; а Эротида загляделась на самого предводителя.

Проезжая мимо окон, поручик сделал вежливый поклон, приложил руку к киверу; из-под руки окинул быстрыми очами Эротиду.

Бригадир принял это за чинопочитание, а неробкая Эротида в первый раз чего-то испугалась, вспыхнула, отшатнулась немного от окна.

Поручик, не хуже искусного поселянина, с первого взгляда узнавал добрую, не паханную еще почву, на которой каждый взор, каждое слово возрастет и даст *сторицею*. Поручик знал *приличия*: он нигде не пропускал являться с *истинным почтением* к родителям и с *совершенною преданностию* к дочерям.

И вот явился он к бригадиру во всей форме, почтил его именем ваше превосходительство, спросил: какие угодно будет ему сделать распоряжения в отношении помещения и продовольствия взвода.

Бригадир не устоял от толиких учтивостей и *такового* уважения к его заслугам. Он усадил поручика и три часа сряду говорил убедительным языком о достоинстве прежней службы, как он *храбрость, искусство и верность в различных акциях чрез знатные службы оказал* и как он аккуратен был в *обстоятельствах и околичностях* службы, как исправен был в представлении начальству *инвентариума, сиречь справной росписи* об вверенном ему полку, амуниции и всяких чинов людей, как командовал в турецкую войну *корволантом* и т. д.

Терпеливо, очень терпеливо, как нельзя терпеливее слушает Г...ъ старика; а кому не нужны терпеливые слушатели?

Разговор продолжался о князе Таврическом. Современнику Екатерины, самовидцу чудес прошлого века, было о чем слово сказать; повесть длинная, бесконечная, в кото-

рой бригадир играл роли: капорала, каптенармуса, сержанта, вахмистра, прапорщика, капитана над жожами, капитан-поручика, секунд-майора и т. д.

Еще не был кончен рассказ, как вошел дворецкий, в сером французском кафтане до пят, и доложил, что «кушать, дескать, подали!»

Поручик знает приличия; встал, пристукнул шпора о шпору, прощается с хозяином; но бригадир удержал его обедать. Вышли в залу; явилась и Эротиды. Бригадир не любил рекомендаций, но поручик пристукнул шпора о шпору, а Эротиды присела, раздумянулась.

Бригадир уселся на своем обычном месте, в голове стола, по правую сторону посадил гостя, по левую села Эротиды; прочие приборы были заняты домашними безгласными существами.

Бригадир продолжал свой рассказ, поручик внимательно слушал; но его взоры...

О, глаза ужасная вещь! особенно когда они, выходя из пределов своей обязанности — *смотреть* и *видеть*, вздумают *говорить*. Краткость, ясность, убеждение, сила, мысль, душа... и кому ж говорят они? — сердцу, это-

му чувствительному, малодушному поклоннику очей, ланит, уст, персей... этому бедному заключенному в мрачных недрах, этому сердцу, которое и от радости и от печали готово разбить всю грудь, готово выпрыгнуть на подставленную ладонь каждого хитреца, каждой плутовки в два аршина и два вершка ростом, у которой взор острее солнечного луча!..

Сколько раз Эротиды покушалась рассмотреть пристальнее поручика; поднимает взор, а поручик поймает его и отразит таким взглядом, что Эротиды душевно сердится, зачем сидит она и против окон и против поручика; сердится она и на лицо свое, которое то и дело загорается так, что ничем не потушишь.

Но обед кончен, рассказ кончен, ратафию поднесли, кофе подали, из-за стола встали. Поручик прицелкнул шпора о шпору, отцу поклон, дочери взор, прощается.

— Прощайте, прощайте, г. поручик, милости просим и вперед! — говорит бригадир, надевая колпак, признак, что его высокородие, а в случае особенного уважения, его превосходительство, тотчас после обеда любит соснуть.

Но г. поручик знает приличие; без особенного приглашения он уже не является в дом; только служебная необходимость по нескольку раз в день заставляет его галопировать мимо бригадирских палат.

Эротида нашла себе работу подле окна; в ней родилась охота к женским рукодельям, что-то шьет она в *тамбур*, верно подарок своего рукоделья папиньке в день именин.

Поручик проезжает, кланяется так ловко, мило. Эротиде ли быть неучливой, не отвечать на поклон?

Наступает день именин бригадира. Поручик приглашен к *обеденному столу*. Он является так почтительно, так умно поздравляет его превосходительство со днем ангела. Нельзя не поздравить и дочери: этого требует приличие.

Роброны и миниатюрные чепчики на самой вершине огромной прически, основанной на войлоках и укрепленной булавками в поларшина величины, опасны и для отважного *волокиты*; но Г...ъ находит удобный случай сказать несколько слов Эротиде.

Что говорил он ей, что отвечала она ему,

трудно, невозможно повторить. В русском языке на словах соблазн чувств еще не существует; почти до самого всемирного выражения «я вас люблю» уста молчаливы, глупы и рады, рады, что за них говорят очи.

Одно только умное и обдуманное сказал поручик:

— Я слышал, вы охотницы ездить верхом.

— Я очень люблю верховую езду, — отвечала ему Эротидида.

— Если б я был столько счастлив... (выражение, без которого нельзя обойтись), если б я мог сопутствовать вам в ваших прогулках...

— Эротидида, Эротидида! — раздалось из гостиной. И Эротидида не успела отвечать: «Это было бы мне очень приятно».

Прошел день именин, прошло несколько дней, во время которых, однако же, бригадир не скучает без поручика, хотя и некому было рассказывать «события прошедших дней, преданья старины глубокой». «Нет, — думал он, сам себе на уме, — знаю я эти кивера набекрень... тотчас приставят мазу!»

И бригадир продолжает свою обыкновенную жизнь, ездит с дочерью прогуливаться

верхом, но без сопутника.

Он делал дело, и поручик также не забывал дела, только у Эротиды валилось дело из рук.

Один раз Г...ъ случайным образом встретился с старым кавалеристом и прекрасной амазонкой в поле. Поклонившись, он уже намерен был пристроиться к фрунту, обратив *глаза направо*, но бригадир почтил его вопросом:

— Куда, г. поручик?

— Так, ездил без цели и намерения.

— О, что ж за прогулка без цели я намерения. Я вам советую проехать на мой свечной завод; любопытно взглянуть, как свечи макают. Вот, поезжайте по этой тропинке.

— Очень любопытно! — отвечал поручик, бросив горестный взор на Эротиду и прощаясь со встречными.

«А, злодей! — думал поручик, отправляясь по показанной тропинке, — постой, и на тебя есть фортель!..»

Дня через два Г...ъ является перед обедом к бригадиру, зовет его на травлю лисицы, лисицы старой, опытной.

— Вы увидите, что у меня за собаки! — говорит он.

Травля — страсть бригадира.

— Посмотрим, посмотрим, г. поручик, не угодно ли спустить свою лучшую вместе с моим Лучом.

— О, рад! Угодно заклад? Ухо на ухо.

— Хорошо!

Сборы недолги. Седлают коней для Эротида и бригадира. Денщик поручика помогает; он свел уже знакомство со всею дворней, он чистит и поглаживает коня Эротида.

Садятся, едут в чистое поле. Охотники отправлены вперед; красного зверя везут в клетке; собаки рвутся со свор.

Бригадир и поручик заводят разговор об охоте; Эротида галопирует подле отца; лошадка ее пляшет, гордится своим седоком... но вдруг прижала уши, замотала головой, замала хвостом, пошла беспокойным, неровным шагом.

Наша амазонка отважно ездит, игра лошадки ей нравится, она затягивает уздечку... тс, тс!., но лошадка ее закрутилась, взвилась, кинулась вперед стрелой, помчалась во весь

опор; тщетны усилия Эротиды удержать ее.

Покуда бригадир успел ахнуть, Эротида уже далеко. Поручик успел уже догнать ее, схватить ее коня за узду, соскочить с седла... Конь вырвался из рук; но Эротида уже на руках.

— О, как счастлив я! — вскричал он, осыпая ее руку поцелуями. — Мне удалось спасти вас от опасности! Я сам бы умер, я не перенес бы малейшего вашего несчастья!.. — Это все было сказано невольно, а что невольно, то простительно.

— Вы испугались, Эротида?

Эротида хотела отвечать: «Нет-с, ничего»; но какое-то женское чувство сказало ей, что необходимо маленькое беспамятство, смущение.

Запыхавшись от страха, подскакал отец.

— Что с тобой, Эротида?

Эротида, поддерживаемая поручиком, медлит отвечать.

— Благодарю, благодарю, г. поручик... Не знаю, что сделалось с поганой лошадежкой; кажется, такая смиренная.

— Верно, чего-нибудь испугалась... — отве-

чал поручик.

Прискакали и люди, заметившие издали, что с барышней случилось что-то недоброе. Послали за коляской; коляска приехала. Эротиду повезли домой... задумчивую: испуг сильно подействовал на нее.

Нельзя избавителю от опасности не навес- тить спасенную и не узнать об ее здоровье.

Но какая страшная перемена после подоб- ного случая во взорах спасенной. Она уже без боязни, без робости смотрит на спасителя — и из их взоров невидимый паук (верно, тот, ко- торый соткал мир, по мнению негров) ткет паутину, опутывает ею крылатое сердце.

И вот настает время, свободно произносит язык, сперва:

— О, Эротидида, я не пережил бы вас!.. о, этот случай показал мне, что в вас заключено мое благо!..

Потом спустя несколько времени:

— Эротидида, Эротидида! хоть одно слово!.. — но Эротидида молчит... но ее рука уже осыпана поцелуями... она сама уже в объятиях...

Но это сон, дерзкая мечта. Родитель почи- вает спокойно положенные часы на отдых по-

сле обеда: он, проснувшись, думает о благе дочери... Она уже возле него; ее щеки горят, сердце бьется, душа, как голубь, хочет выпорхнуть из тела.

Часть II

Карлсбад. — Ва-банк. — Опоздала. — Новая пациентка. — Снова ва-банк. — Убита!

I

В 1814 году, когда в Париже целая Европа праздновала низвержение маленького Капрала с плеч своих, большая часть русских офицеров — раненых, больных и *расстроивших* свое здоровье, были уволены в отпуск, на воды, на все четыре стороны.

Уланского полка ротмистр Г...ъ также торопится пользоваться водами. Украшенный знамениями победы над общим врагом, он хочет пожить на воле, испытать счастья *направо и налево*.

Давно наслышан он про Карлсбад, давно жаждал Карлсбада. Там воды текут по золоту, берега Теппеля и Эгера усеяны живыми цветами; там вода и любовь во 165° теплоты; там пьется, кроме воды, *благоуханное дыхание* страждущих меланхолией, бессонницей, отсутствием аппетита и всеми возможными припадками, для которых нужно рассеяние и

165° спруделя[1] и любви, — любви, этого лекарственного недуга от всех недугов, этого опиума, возбуждающего деятельность чувств, этого дня среди ночи, этого блаженного страдания.

Может быть, Г...у полезнее бы были воды Висбаденские или Пирмонские, или даже Теплицкие, но Г...ъ предпочел Карлсбад — Карлсбад, который умнее было бы назвать Афродитенбад, потому что его воды есть Силуамский источник прекрасного пола, потому что и сама Венера в случае болезни не избрала бы для восстановления своего здоровья иных вод, кроме Карлсбада.

Итак, ротмистр Г...ъ едет туда.

Вот он уже вступает в границы Австрии, он уже проклиная мосты и мостики, на содержание которых обязан и он платить деньги, проклиная и гельд, и тринкгельд, и deutsche Sprache,[2] которого не понимает.

Но вот въезжает он в Карлсбад... и тут слышит он halt[3] и erlauben Sie![4] Привратник неторопливо продувает свою трубу, играет на трубе поздравление с приездом и за Frompreterstückchen![5] требует с Г...а деньги. Распла-

тился; но его останавливают еще двадцать вопросов, двадцать предложений и рекомендаций, печатных и словесных, всех гостиниц и *table d'Hôte*[6] Карлсбада: где ему угодно остановиться? на долгое время или на короткое? — подневно, понедельно или помесечно? — какие воды будет пить?

Надоели Г...у запросы.

— Все равно, куда хотите везите! — говорит он.

— Как это можно, — отвечают ему. — Здесь есть и дорогие заездные дома, и дешевые, *Gott weiss*[7] где вам понравится, из многого выбирают: тут есть и *Böhmische Saal*[8] и *Rothen Ochsen*,[9] можно остановиться и под *Золотым щитом*, и под вывеской *Оленя*; может быть, вы любите играть в бильярд...

Выбирает Г...ь *Золотой щит*. Нанял на месяц покой — являются новые посольства и предложения: какими водами будет пользоваться? угодно ли, чтобы его имя печатали в *Badelist*[10] за 30 крейцеров, или нет? хочет он иметь *Badelist* для прочтения или собственностию?

Вечеру является у двери номера толпа

Nacht-music,[11] играет и требует денег.

Наутро является хозяин с предложением взять прием карлсбадской соли как необходимого средства для очищения перед пользованием водами.

Наконец все предложения истощены; Г...ъ пациент Карлсбада. У него оцарапано плечо пулею, рука подвязана; а это так интересуется всех земных существ, носящих шелковые эпoletы, обшитые блондовой бахромой, вооруженных золотым кинжалом, на котором у пояса привешены часы, — всех земных существ, украшенных серьгами — серьгами! признаком рабства, по глупым преданиям Востока.

Г...ъ уже в каштановой аллее. Вместо меча у него золотой лорнет в руке, вместо мундира на плечах фрак; только широкие лампасы, сапоги с высокими каблуками и шпоры показывают, что он военный, и какой военный! — с перевязанною рукою, с крученым усом, с русыми волнистыми кудрями, с вскинутым плечом, с маленькой модной сутулиной, с пурлемеритом на шее и с 25 годами, означенными в формуляре в графе «сколько от роду лет?».

Все эти достоинства могут привлечь и

дружбу, и любовь на свою сторону.

В несколько дней воды Карлсбада приносят свою пользу. Ротмистр уже со всеми знаком; у него уже полна комната военно-раненой молодежи; он уже может владеть рукой, метать направо и налево, записывать, списывать и отписывать.

Время летит, пробки летят; кипит молодость, кипит и шампанское. О, девы, девы! женщины, женщины!., смотрите на эту молодежь, смотрите на эти 52 листа, которые означали у древних число недель в году, а 364, число очков всех карт, — число дней в году. Посмотрите, как каждый юноша и муж заботится, чтоб ему *рутировала дама*, с какою надеждою гнет он ее на *пэ*, и в душе и на столе *транспорт!* Но вот «*ander Stück manier!*»[12] поносит он свою даму, рвет на части, бросает под стол, встает из-за стола и идет мучить своими ласками первую встречную *сусанхен*; тщетно кричит она: *Lassen Sie mich, herr Oberster!*[13]

Однажды в общей зале *Золотого щита*, где ежедневно готов список 200 блюдам для наблюдающих строгую диету, где есть и *Мель-*

никер, и Унгер, и Рейн, и шампаниер-вейн, кроме сладкой, соленой, кислой и горькой воды, где для моциону есть бильярд и карты, кости и фортунка, и триктрак, и просто шашки, а для услаждения слуха — и слепые, и зрячие музыканты, и оркестр, и *оркестрино...*, Г...ъ, окруженный понтерами, *резал штос*; ему не везло счастье, его *оборвали*; молчаливо он отирал пот с лица, брал новую талию, рвал вдребезги старую, и стакан *каролину* стоял подле него, забытый...

Банк сорван. Г...ъ вынимает кошелек, высыпает на стол сто червонцев; это все, чем он может жертвовать.

Он уже прорезал талию, понтеры протрещали колодами, выдергивают по карте.

— Ва-банк! — раздался голос в угле стола. Ротмистр вздрогнул, взглянул на нового понтера. Это был молодой человек; лицо его было болезненно; густые, черные бакенбарды и навислые усы еще более придавали ему бледности. Он был в казакине, в чекчирах с широким малиновым лампасом.

Бросив кошелек на стол, он повторил:
— Ва-банк! Дама!

Г...ъ взглянул на него и продолжал всматриваться.

— Извольте снять, — произнес наконец он не равнодушно, положив на стол колоду.

Молодой человек снял.

Г...ъ берет колоду, обертывает очками кверху, скидывает попарно карты...

— Дама убита! — вскрикивают все понтеры в один голос.

— Баста! — говорит Г...ъ, дometав талию и загребая выигрышные червонцы.

«Это горяченький новичок, — думает он, — надо с ним покороче познакомиться».

— Не в добрый час поставили вы решительную карту.

— Да, — отвечал молодой человек, — мне не везет счастье.

— Несчастье в картах, счастье в любви!

— Этому я не верю... может быть, вы на себе испытали.

— Карты мне не везут!

— А любовь?

— Любовь? ну, в ней трудно проигратъся тому, кто не ставит целого сердца на одну карту.

Молодой человек промолчал.

— Встречался ли где я с вами или у вас есть родные, — продолжал Г...ъ, — только что-то мне знакомо лицо ваше.

— Может быть, — сказал молодой человек, отворотясь к окну.

— Вы, верно, еще недавно здесь? — продолжал Г...ъ?

— Вчера приехал.

— В отпуску?

— Нет, в отставке, служил в Мамоновском полку.

— Если у вас здесь мало знакомых, то очень рад буду, если не откажетесь разделять со мною время. Вы где остановились?

— Под вывескою *Три звезды*.

— Поближе к водам!.. Вы, верно, туда идете теперь? И я иду прогуливаться, нам путь один; а я, между тем, вам как новому приезжему покажу, на что стоит обратить внимание в Карлсбаде. Вот, например, это «шёне[14] Кристинхен»!

— Lassen Sie mich, Kapitain![15] — вскричала молоденькая Кристинхен, служанка хозяйская, попавшаяся навстречу на лестнице и

вырываясь из рук ротмистра.

Молодой человек, еще неопытный, как дева вспыхнул, потупил глаза; казалось, что это был первый урок в науке, для него новой.

Г...ъ взял его под руку; вышли на бульвар.

— Вы говорите по-немецки?

— Ни слова.

— Жаль! Русскому офицеру, знающему немецкий язык, здесь раздолье. Мне кажется, что женщины всего земного шара имеют какую-то особенную склонность к русским... Ну, а здесь на водах необходимо волокитство; оно полирует кровь... Сегодня, кажется, все звезды на небе!.. Посмотрите! это больные! Верно, много опорожнено бокалов шампанского за их здоровье!.. За чье же здоровье они приехали сюда пить воду?.. А! вот и она!.. Как нравится вам это личико под голубой шляпкой?.. прелесть!

— Хороша.

— Только-то? Вы, верно, уже влюблены? Это равнодушие мне обидно. Но я все-таки рад, что и вы не будете в числе моих соперников... Я с ними разделяюсь á coup sûr.[16]

Дамы приблизились. Ротмистр бросил зна-

чительный взгляд на девушку в голубой шляпке; взгляд девушки был еще значительнее. Молодой человек заметил это.

— Совершенство! — вскричал Г...ъ, когда прошли дамы, — и еще лучше то, что не она, а ее маминька сожжет себя 165-градусным спруделем, потому что, по-моему, нет ничего хуже *залеченной* женщины. То ли дело цветок, не тронутый хронической меланхолией, в который не влито еще медицинского здоровья. Что толку в превращении розы в лилию!..

— А если любовь заботится об этом превращении?

— Все равно! О, да вы мечтатель, заразились вздохами. Стыдно! Ну, женщине, существу архичувствительному, дело другое, а молодому человеку вянуть от любви... Зайдемте кстати на почту; ко мне должны быть письма из полка... Потом опять на бульвар, а потом ко мне, если угодно, на русский чай...

Они подошли к окошку, где выдают письма. Ротмистр объявил свое имя, ему подали письмо.

— Ба! — вскричал он, ломая печать, — зна-

комая рука!.. Запоздалое, сладкое известие от 12 июня 1812 года! О, это любопытно! Пойдемте в аллею, присядемте. Кстати, вы, кажется, устали; слабость заметна по вашему лицу.

Они пошли в аллею, сели.

Г...ъ пробежал письмо и захохотал.

— Ну, скажите, пожалуста, будьте судьей. Еще в исходе 11-го года стоял я, со взводом, в селе одного бригадира, чудака старого покроя, у которого была дочь. Тогда я был еще моложе, ветренее, влюбился в девушку. За взаимностию дела не стало. Старику нельзя было и думать отдать свою дочь за меня, потому что у меня ничего не было за душой, кроме моего почтения. Я готов был увезти ее — не решилась: как можно без папинькиной воли выйти замуж! А между тем молодость не рассуждает о последствиях. Уезжая, я поклялся всем, на чем свет стоит, и в беспредельной любви, и вечной верности; поклялся писать, дослужиться до бригадирского чина и тогда формально требовать руки ее. Перед началом войны я и писал; но открылась война — не до любви. В Германии, во Франции, победы; красавиц бездна, одна другой лучше,

одна другой огненнее, победа за победой, а перед победителями все кладет оружие; и вот — прошли три года, и вот — письмо от моей милой Эротиды отыскало меня на краю света, да опоздала! Уведомляет, что она свободна, что папинька умер, что она ждет меня вручить мне свою руку... Опоздала! Нет, через три года я рисковать прогонами не буду. С тех пор много воды ушло, а девушки ждать женихов не любят, да и притом же, признаться, писать не умеет...

«Милой, дражающий друг, я слабодна, папинька... ах! не магу праизнести, сердце абливается кровию...» Прекрасный слог! Наставила *ахов и охов!* Терпеть не могу этой чувствительности! То ли дело...

Тут ротмистр вынул из бокового кармана записную книжку, из книжки вынул записочку.

— Прочтите.

— Извините, я не понимаю по-французски.

Ну, я сам прочитаю и переведу вам: Monsieur, je tiens trop à votre estime, т. е. Милостивый государь, я держусь очень к вашему уважению... pour n'avoir pas montré à ma mère

dans une circonstance aussi importante pour la réputation d'une jeune personne, la lettre que vous venez de me faire l'honneur de m'écrire... т. е., что не показала маминьке в таком важном случае, для репутации молодой особы, письмо, которое вы сделали честь мне писать... oserai — je vous avouer, monsieur, que je ne laissais pas de redouter son sentiment sur vos propositions... т. е. осмелюсь ли признаться что я боялась ее чувств на ваши пропозиции... Et n'est-ce pas assez vous faire entendre que mon coeur partage tous vos projets, — Adeline... т. е. и не довольно ли, чтоб дать вам слышать чрез сие, что мое сердце делит все ваши проекты!

— Вот истинное женское мужество и доверенность полная! Такое сердце стоит похитить из объятий родительских.

— Да, это правда, — отвечал молодой человек с негодованием, — предпочтение ваше имеет законные причины... Синица в руках лучше журавля в небе... Однако ж мне нужно сходить теперь в контору и взять билет на воды... Извините меня, я вас оставляю...

Г...ъ пустился по бульвару, потерялся в

толпе, а молодой человек пошел стороной бульвара. Он видел, однако же, как ротмистр мелькал около голубой шляпки; видел, как он отправился домой, а дамы с бульвара перешли улицу Ней-Визе и вошли в угольный дом.

Молодой человек подошел к крыльцу, спросил у человека в ливрее, кто из приезжих живет в этом доме.

— Пани ксёнжна[17] Л... из Польши, — отвечал человек.

— Она здесь со своею дочерью Аделиной?

— Так есть.

Молодой человек отправился домой в гостиницу под вывескою *Три звезды*.

— Спасу ее! спасу! — произнес он несколько раз почти вслух.

II

Настает вечер. Ротмистр ждет гостя, тасует карты. Молодой человек не идет. Между тем собралась молодежь. Сперва речь о женщинах, потом за карты; посмеялись над молодым человеком, проигравшим сто червонцев — верно, последние! — и молодой человек забыт.

На другой день, по обычаю, ротмистр и вся молодежь отправляются после обеда на бульвар; на бульваре новое лицо, которое обратило внимание всей публики.

Все, что только носит на себе название *ein flinker, gewandter Bursch*, [18] все уже ходит около него, всматривается и просто, и в стекла, вздымает плечи и горбится, и щурит глаза, и пучит их, и оседает с ноги на ногу, и шепчет про себя: *ah, c'est une divinité!* [19]

Г...а увдекает общая молва. Он также наводит свой лорнет и как знаток восклицает: *чорт знает как хороша!*

Он снова смотрит. Самолюбие его выражается обычными словами *банкомета*: *о, да это такой куш, при котором не стоит обращать внимания на все прочие куши.*

По слухам, это приезжая из России, обладательница нескольких тысяч душ. С нею нет ни маминьки, ни папиньки, ни бабушки, ни мужа; с нею только пожилой доктор немец; следовательно, она должна быть молодая вдова, рассеивающая свое горе...

Красота всех жепщин, пациенток Карлсбада, потухла перед ней, как луна перед зарею.

Ротмистр снова смотрит и ищет ее взора... встречает... заметил в нем что-то такое... и забыл молоденькую польку Аделину. Аделина слишком белокура, слишком низка ростом, слишком легка: в ней нет того горделивого благородства, оценивающего собственное достоинство; нет того огня в очах, нет и нет чего-то, составляющего славу победы, льстящего всем чувствам.

— Чудное существо! — кричит молодежь, собравшись к ротмистру. — Верно, приехала рассеять печаль свою!.. Господа, не оставим сердца во вдовстве!

Ротмистр молчит, но в душе он готов бы был заступиться за ее честь, готов придраться к каждому, кто бы вздумал быть открытым претендентом на победу ее сердца.

Ротмистр проигрывается; тому она виновата, он рассеян; никогда еще женщина не поселяла в нем страсти; в первый раз испытывает он задумчивость и бессонницу. Она везде перед ним... Но он смеется и сам над собою; он уверен в самом себе, как всемирный победитель; он умеет ловить взоры, заставляя краснеть женщину — он так создан. Страсть мо-

жет еще придать ему более решительности идти прямым путем к цели, не смотреть себе под ноги. «Кто бы ты ни была, — думает он, как Телемак, — богиня или простая смертная, ты будешь моею!» — и он преследует ее в галерее спруделя и в аллее каштановой, как будто владеющий уже правом защищать красавицу от лорнетов и толпы искателей.

Проходит несколько дней, и Г...ъ нашел случай говорить с нею на водах. Он торжествует, замечая, что в сердце ее запала уже искра любви к нему; от него не скрывается забывчивость, взгляды и угнетаемые скромностью вздохи.

Но скрывается ли это от стоглазого аргуса зависти? Таит ли это стоустое злословие?

Заступится ли жепщина за честь женщины? отстоит ли ее от навета? или первая предаст на позор подобное себе существо?

В первый раз, когда Г...ъ подошел к madam Emilie Horeff[20] (так записана была незнакомка в Badelist) и завел разговор с нею и с сопровождавшим ее доктором, все, что только ходило в галерее, по доброй воле и для предписанного *моциона*, — все поняло, все про-

никло тайну, все улыбнулось, зашептало, заговорило о скорой победе, потом — о добродетелях женских, о скромности, о приличии...

Злые слухи чернили уже прекрасную посетительницу Карлсбада, а она, как солнце, была выше туч, которые затмевали свет ее.

Только Г...ъ мог знать и испытывать на себе всю строгость ее правил, всю чистоту ее души, непроницаемой для соблазна. В разговорах с нею притупилась его дерзость; казалось, что он сделался мечтателем; он говорил с нею про Россию, возбуждал в ней любопытство видеть окрестности Карлсбада, малый Версаль, древний замок Стейн-Эльнбоген, где есть камень, упавший с неба; Хиршеншпрунг, где есть прелестное место, называемое *небо на земле*.

— О, — говорил он, — как блажен, кто испытает *небо на земле*, кто встретит ангела-женщину, осмелится произнести: *люблю*, и эхо этого слова отзовется в ее сердце!..

Блаженство на земле, — отвечала она задумчиво, — не похоже ли оно на мрачный угол горы, который носит название *небо на земле*! Может быть, тот, кто назвал его так, на

этом же самом месте был мучеником раскаяния за миг надежды и радости!.. Один ли смысл заключает в себе слово люблю? Не значит ли оно иногда — я *играю* вами?

— Играть святым чувством! — возразил Г...ъ. — О, нет!., я не испытывал еще его, не произносил слова люблю, не владел ничьим сердцем, но я заступаюсь за смысл этого слова...

Г...ъ продолжал описывать яркими красками любовь, взаимность, земной рай и, как будто не замечая, преследовал Эмилию до самого дома, нанимаемого ею против *Золотого льва*.

Перед крыльцом он остановился со всевозможными извинениями, что увлекся занимательностью разговора.

— Кого не увлекают слова?., но поток их часто опасен... Благодарю вас.

Г...ъ готов уже был раскланяться, но прекрасная пациентка Карлсбада остановила его словами:

— Вы возбудили во мне любопытство видеть *небо на земле*. Если вам угодно сопроводить мне туда, то я ожидаю вас завтра на

утреннюю прогулку, в 10 часов утра.

Как будто предвидя готовность Г...а, она, не ожидая ответа, вбежала на крыльцо, а ротмистр, торжествующий в душе, отправился на бульвар, выходил весь Карлсбад и возвратился в свой номер не прежде полуночи, чтоб избавиться от докучливых товарищей своих; он ничего не хотел видеть, слышать и знать, кроме 10 часов утра.

После томительной бессонницы настало утро; но до 10 часов оставалось еще 18 000 мгновений.

Наконец Г...ъ летит на крыльях любви к Эмилии Горовой. Он застает ее в гостиной; перед нею на столе лежит золотое кольцо; она, казалось, задумалась над кольцом. Вошедший ротмистр испугал ее. Она смутилась.

— Извините меня, что я вошел без доклада; ваш доктор сказал мне, что вы принимаете... Но я возмутил, кажется, какую-то грусть, воспоминание... и над кольцом?..

— Нет, не кольцо было причиной моей задумчивости... в нем нет приятных для меня воспоминаний... оно не памятник любви!.. Я им могу столько же дорожить, сколько вы до-

рожите тем кольцом, которое у вас на руке... и в доказательство я готова с вами меняться...

— О, — сказал Г...ъ, смутясь несколько, — воспоминанием любви я бы не пожертвовал, но кольцо матери я имею право променять... Я желал бы променять его на кольцо ваше...

— Я не откажусь от своего слова. Вот кольцо, которым я не дорожу... Оно ваше!

— Вы дарите меня счастьем! — вскричал Г...ъ, меняясь кольцами. Он хотел что-то продолжать в восторге чувств своих, но вопрос Эмилии прервал его восклицания.

— Тут слова: *Эротиды, 1811 года*. Это, верно, имя матушки вашей?..

— Ее имя... — отвечал Г...ъ нетвердым голосом. — Вы подарили меня счастьем!.. — продолжал он, надевая на руку кольцо и целуя его.

Но Эмилия не обращает внимания на его восторг. Она встала с места, вышла из комнаты...

«Что это значит? — думал Г...ъ. — Понимаю! порыв любви и испуганная скромность женщины...»

Вместо Эмилии вышла горничная девушка

и объявила, что госпожа ее чувствует себя нездоровою и извиняется, что принуждена отложить поездку за город.

«А, плутовка! — думал Г...ъ, выходя и рассматривая кольцо, полученное от Эмилии. На нем было вырезано имя, но соскоблено... Может быть, это имя... но все равно!., что мне нужды до прошедшего! Золотые ключи от города высланы навстречу победителю, и город будет наш!»

Г...ъ идет домой. Для него необходимо рассеяние; взор его светел, он щедр за общим столом, он готов лить шампанское на голову тому, кто не пьет его. После обеда рассыпает он червонцы на стол, тасует карты; понтеры трещат колодами, выигрышные червонцы в банке; пошли углы, *транспорты, темные, на все четыре, до первой убитой...*

— Ва-банк! — раздается в углу стола.

Ротмистр вскидывает взоры. Это знакомец его, молодой человек.

— А, мое почтение!.. Не хотелось бы на все, да нечего делать, за мной реванж.

— Ва-банк! дама! — повторяет молодой человек, Г...ъ начинает метать...

— Убита, — раздается в устах всех понтерров.

— Нет счастья в картах!

— Верно, вы слишком счастливы в любви! — говорит ротмистр, считая червонцы.

— Правда ваша. Не угодно ли выиграть любовное кольцо... Вы, кажется, можете отвечать таким же... Я вижу у вас на руке.

— Я на свое кольцо не играю, — отвечал Г...ъ, — но если угодно, ваше пойдет в пяти червонцах.

— Может быть, вы дороже оцените это кольцо. Молодой человек снял кольцо с руки и бросил к ротмистру.

Г...ъ взял его, взглянул на надпись: *Эротида, 1811 года*. Он вспыхнул, вскочил с места, схватил молодого человека за руку, отвел его в сторону и произнес задыхающимся голосом:

— Где, сударь, взяли вы это кольцо?

— Я, сударь, не обязан вам отвечать на ваш вопрос.

— Вы должны отвечать, или я заставлю вас, сударь, отвечать на расстоянии четырех шагов!..

— И очень рад, принимаю ваш вызов.

— Завтра же в 6 часов, сударь!..

— Не завтра, а сего же дня; теперь еще светло, сию же минуту! Там, сударь, где *небо на земле!*

— Очень хорошо-с! Уверен, что вы там не будете так счастливы на rendez-vous[21] со мною!., но секунданты?

— Не нужно... к чему свидетели? Любовь не терпит их, и ненависть не должна любить! Прощайте, чрез полчаса я буду на месте.

Молодой человек уходит.

«Знаю я вашу братию фанфаронов!» — думает ротмистр.

В положенное время он велит седлать коня, берет кухенрейтерские пистолеты, едет в Хиршеншпрунг. Молодой человек уже там.

— На сколько шагов угодно? с барьером.

— Вы вызывали меня отвечать вам в расстоянии четырех шагов, и я готов; но до смертельной раны, не иначе.

Решимость молодого человека потрясла душу ротмистра.

— Хорошо, хорошо! — отвечал он, — заряжайте пистолеты!

Пистолеты заряжены, шаги отмерены.

— Я вам, сударь, повторяю, — говорит Г...ъ, — извольте мне отвечать на вопрос, сделанный вам, и дело обойдется без крови.

— Ответ уже в дуле, сударь, извольте повторить ваш вопрос выстрелом!

Г...ъ навел курок, молодой человек также. Он подошел к самому барьеру, целит в ротмистра медленно.

Г...ъ не выдержал, спустил курок, и пуля впилась в грудь молодого человека. Он упал на землю, бросил пистолет, сжал рану рукою.

— Убил! — вскричал Г...ъ невольно, подбегая к нему.

Молодой человек приподнялся, сорвал с себя накладные волосы и произнес замирающим голосом:

— Оставьте... помощь ваша бесполезна и для соперника вашего и для моей соперницы...

— Эмилия! — вскричал Г...ъ, падая на колена.

— Нет, не Эмилия... а забытая тобой... Эротиды... прощай!..

— Эротиды! — едва промолвил ротмистр. Чуть внятное *прощай* повторилось. Послед-

ний луч солнца исчез за горою; казалось, что ночь торопилась накинуть черный покров на отжившую Эротиду.

* * *

— Вообразите же себе, — говорил мне Г... в 1818 году в М...е, — был же я столько слеп, что не узнал Эротиды в Эмилии и Эмилии в этом отчаянном офицерике Мамоновского полка.

— Что же сделали вы с этой несчастной? — спросил я, смотря с ужасом на этого человека.

— Похоронил собственными руками в волнах Эгера! Возвратившись в Карлсбад, я на другой же день слышал новость городскую: повсюду рассказывали, что прекрасная пациентка скрылась неизвестно куда с одним молодым человеком, моим соперником, испугавшимся вызова на дуэль... Аделина долго дулась на меня, однако же мир был заключен; она рассталась с маминькой. На границе России, в первой церкви, стал я с нею около наоя, дьячок подал нам в руки свечи, отпел панихиду вместо венчанья... Теперь не знаю, как проживает она в Могилеве на Днепре.

* * *

Вот слова, которыми заключил Г...ъ рассказ, из которого я составил быль или небылицу — не знаю.

— Повесть хороша, хороша! — сказали слушатели.

— Хороша, только конец немного темен; притом же Эротиды в собственной роли мало образована, в роли Эмилии слишком блистательна, а в роли офицера чресчур мужественна.

— Воспитание, любовь и время чего не могут сделать из женщины! — отвечал хозяин-повествователь, укладывая свою тетрадку в бюро.

Примечания

В тексты вносились обоснованные исправления. В процессе приведения их в соответствие с современными нормами правописания оставались без изменения некоторые орфографические архаизмы и авторские неологизмы (напр.: *тротоар, тоалет, сиурок, фасинабельный, скрипка*), отражающие литературные и разговорные особенности и атмосферу эпохи. В то же время исправлялось такое написание, как *карьерера, литература* и пр. В тех случаях, когда авторская пунктуация не искажала, не делала неясным смысл высказывания или не противоречила современным правилам, она не изменялась.

Сохранены все подстрочные примечания автора. Остальные пояснения и комментарии подготовлены впервые.

Повесть была впервые напечатана в журнале «Московский наблюдатель» (1835, ч. I), затем вошла в первый сборник «Повести» (1836, 1837), который положительно оценил В. Г. Белинский. Критик писал: «Из оригиналь-

ных повестей мы прочли в „Библиотеке“ г. Глазунова три премиленькие повести г. Вельтмана (...)» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. II. М., 1953, с. 493), Во второй части «Эротиды» много места уделено карточной игре, встречаются термины, непонятные современному читателю. Упоминаются они и в других произведениях нашего сборника. Поэтому считаем нужным дать краткое пояснение к ним.

Прокивка — промет каждой карты. *Талия* — промет всей колоды до конца или до срыва банка. *Убить карту* — иметь старшую карту, убивающую младшую. *Руте* — убить несколько карт подряд. *Соника* — карта, выигравшая сразу. *Выиграть соника* — выиграть с первой же карты весь банк. *Обдернуться* — поставить не на ту карту. *Пароли* — ставка, увеличенная вдвое против первоначальной; *пороли пэ* — вчетверо. Играть *миран-додем* — не увеличивать первоначальной ставки. *Кензельва* — ставка в пятнадцать раз выше первоначальной. *Приставит мазу* — добавить к ставке. *Ставит семпелем* — ставить куш на одну карту. *Транспорт* — перенос ставки на

другую карту. *Атанде* — предложение не делать ставки.

В *штосе* выигрыш зависит от того, на какую сторону ляжет карта. Направо — выигрывает понтер, налево — банкOMET.

Вахштаф — сорт табака.

Эол — в древнегреческой мифологии повелитель ветров. Здесь: ветер.

Фирдевси — Фирдоуси Абулькасим (ок. 940–1020 или 1030) — персидский и таджикский поэт, автор поэмы «Шахнаме».

Берлин — вид тяжелой кареты.

Меркетентеры — маркитанты, торговцы, сопровождавшие армию в походе.

Корволант — войсковое соединение из конницы, пехоты и легкой артиллерии. Как чрезвычайно подвижное использовалось для нападений на тылы и коммуникации неприятеля.

Ратафия — перегнанная настойка, приготовляемая из водки, сахара и ароматических веществ или плодов.

Тамбур — род вышивания.

Маленький Капрал — Наполеон Бонапарт.

Силуамский источник — водоем с купаль-

ней, находившийся в юго-восточной части Иерусалима. Согласно евангелию, в нем омылся, по указанию Иисуса Христа, слепой и прозрел.

Пур-ле-мерит («Pour le mérite») — орден «За заслуги».

Мельникер, Унгер, Рейн — сорта вин.

Триктрак — игра в шашки и кости.

Телемак — сын Одиссея, мифического царя о. Итака. По совету богини Афины отправился на поиски отца, не возвращавшегося домой после разрушения Трои.

Примечания

1

Здесь: источник лечебной воды (*немецк.*)

[^^^]

2

Деньги, и чаевые, и немецкий язык *(немецк.)*

[^^^]

Стой! (немецк.)

[^^^]

4

Проезжайте! *(немецк.)*

[^^^]

5

Трубные сигналы, или трель (*немецк.*)

[^^^]

Табльдот (*фрaнц.*)

[^^^]

Бог знает (*немецк.*)

[^^^]

Богемский зал (*немецк.*)

[^^^]

Красные быки *(немецк.)*

[^^^]

10

Список принимающих ванны (*немецк.*)

[^^^]

Ночной музыки (*немецк.*)

[^^^]

12

«На другой лад!» *(немецк.)*

[^^^]

13

Оставъте меня, господин офицер! *(немецк.)*

[^^^]

Прелестъ (*немецк.*)

[^^^]

Оставъте меня, капитан! (*немецк.*)

[^^^]

Точным ударом (*франц.*)

[^^^]

Княжна (*польск.*)

[^^^]

Бойкого, ловкого бурша (*немецк.*)

[^^^]

Ах, это чудо! (*франц.*)

[^^^]

Госпоже Эмили Гиревой (*франц.*)

[^^^]

На свидании (*франц.*)

[^^^]